

*Альберт Григорьевич БОНДАЧ —
преподаватель кафедры истории церкви
и канонического права
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета (г. Москва)
bondatch@mail.ru*

УДК 94(495).03

К ВОПРОСУ О БИОГРАФИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВОВЕДА-ИНТЕЛЛЕКТУАЛА ИОАННА ЗОНАРЫ

ON THE QUESTION OF THE BIOGRAPHY OF BYZANTIAN JURIST-INTELLECTUAL JOHN ZONARAS

АННОТАЦИЯ. В статье систематизируются сведения о жизни и литературной деятельности выдающегося византийского юриста Иоанна Зонары. Уточняется датировка смерти Зонары, рассматриваются круг его чтения и обстоятельства написания им юридических сочинений.

SUMMARY. The article is concerned with the biography of a famous Byzantine jurist John Zonaras and his literary activity. The author specifies the date of Zonaras' death, reviews his scholarship and the circumstances which caused Zonaras to create his legal works.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Интеллектуальная история Византии, Византийская империя XI–XII вв., каноническое право, Иоанн Зонара.

KEY WORDS. Intellectual history of Byzantine, Byzantine Empire in XI–XII century, canonic law, John Zonaras

Время, в которое жил византийский канонист Иоанн Зонара (кон. XI в.—сер. XII в.), можно охарактеризовать как период стабилизации и относительного подъема Византийской империи, сопровождавшийся значительными социально-экономическими и политическими изменениями. Суть этих трансформаций заключалась в появлении элементов феодализма в структуре византийского общества. Деятельность Зонары, таким образом, протекала в сложном социальном контексте, когда новые экономические, политические, правовые, культурные явления сталкивались с устаревшими социальными институтами. Представляет несомненный интерес исследование идейных позиций, которые занял этот крупный византийский интеллектуал в данной ситуации, анализ консервативных и новаторских аспектов его правового сознания.

Актуальность такой работы связана также с тем, что наследие Зонары как правоведа (в целом, не говоря уже об отдельных аспектах его юридической мысли) очень слабо изучено как в отечественной, так и в зарубежной историографии, хотя правовые сочинения Зонары оказали значительное воздействие на более поздних византийских юристов (прежде всего — на Феодора Вальсамона; в определенной степени также на Димитрия Хоматиана и Матфея Властаря) и даже поствизантийских церковных деятелей (преп. Никодима Святогорца как составителя «Пидалиона»), которым историки права уделяли гораздо большее внимание (см., например, о Вальсамоне [23; 65–143]; [35; 657–658]; [62; 34; 101–122]).

Утверждение, что Иоанн Зонара является одним из трех крупнейших византийских канонистов, давно стало общим местом в историко-правовой науке [47; 416]; [75; 259]. Порой его даже называют лучшим из всех юристов Византии («Zonaram,

facile omnium iuris byzantini magistrorum principem» [8; 441]; «his massive commentary on the canons... is perhaps the greatest achievement of Byzantine canon law» [38]). Так считали и сами византийские правоведы — Вальсамон (см. его комментарий на послание Афанасия к Аммуну: «Тῆν ἐπιστολὴν ταυτὴν... ἡοὐ ὑπερφυεστατὸς ἐκεῖνος Ζῶναρος σοφῶς καὶ ὑπερδεξιῶς... ἡῆρμῆνευσε» [14, t. 4, s. 76]) и Властарь (Synt. Alph. E, 11: «ἡοὐ ὑπερφυῆς... πῆσι Ζῶναρος» [14, t. 6, s. 256]). Между тем длительное время практически отсутствовали исследования, посвященные *юридическому* творчеству Зонары (следует, впрочем, упомянуть обзорные дореволюционные работы В. Демидова и М. Е. Красножена о канонистах XII в. [16; 21] и краткие экскурсы о Зонаре в классических справочниках по византийскому праву и литературе [59; 480–481]; [52; 370–376]; [35; 656–657]). Данный автор интересовал ученых почти исключительно как составитель «Краткой хроники». Соответственно, исследовались историческая концепция и политические взгляды Зонары-историографа [45; 55], сохранившиеся в его хронике фрагменты из Диона Кассия и других античных и византийских авторов [39; 36; 37], рукописная традиция хроники Зонары [53], ее славянские переводы [27; 48; 29], язык и стиль данного памятника [43]. В последние годы несколько статей о Зонаре-хронисте опубликовал Д.А. Черноглазов [30]; [31]; [32], защитивший затем диссертацию по этой проблематике [33]. Особо следует отметить работу К. Паидаса — первое (насколько нам известно) *историко-правовое* исследование, основанное на хронике Зонары, которая используется автором как источник сведений об использовании права убежища в Византии. Не ставя целью изучение правосознания Зонары, К. Паидас, тем не менее, приходит к любопытному выводу об «антиюридическом» (конечно, в позитивистском смысле) мышлении Зонары-хрониста [72; 142] (на наш же взгляд, аргументы автора доказывают лишь то, что Зонара предпочитал описывать правовую практику *telle quelle*, не заботясь о сопоставлении ее с законодательством).

Между тем труды Зонары в области церковного права оставались в тени [61; 601]. Лишь в последние два-три десятилетия началось изучение Зонары как канониста, о чем свидетельствует публикация статьи Сп. Трояноса и Е. Папаянни, представляющей собой указатель цитат из светских юридических источников в комментариях Аристина, Зонары и Вальсамона [73]. В сборник материалов симпозиумов «Byzantium in the 12th Century» (Афины, 1989 и 1990 гг.) вошло несколько докладов, посвященных правовому наследию византийских канонистов XII в. в целом и Иоанна Зонары в частности [56]; [63]; [54]; [61]. Из них наиболее важна работа Р. Пиелер, исследующая деятельность Зонары как церковного юриста. Автор, указывая на тесную связь церковного и светского права в Византии и отмечая, что Зонара по роду своих должностных обязанностей должен был иметь глубокие познания в светском праве, анализирует методику работы Зонары на примере его комментариев к Апостольским канонам и выявляет в ней элементы светского юридического мышления.

Указанными публикациями общего характера практически исчерпывается историография проблемы «Зонара-юрист». Изучение таких вопросов, как текстология правовых сочинений Зонары, взгляды канониста на отдельные правовые институты и явления (например, брак и семью), рецепция идей Зонары, продолжает относиться к области *desiderata*. Биография этого правоведа также слабо исследована; состояние источников таково, что сведения о предках Зонары, равно как и о его жизни и литературной деятельности, приходится собирать по крупицам. В то же время очевидно, что при реконструкции правосознания Зонары необходимо учитывать его социальный статус, уровень образования и т. д. Настоящая статья призвана

заполнить указанную лакуну и систематизировать все имеющиеся биографические данные о Зонаре.

Сама фамилия «Зонары» — профессионального происхождения, от «zōnariōn» — пояс [71; 44]; в Константинополе была улица *hodos tōn Zōnarōn*, где жили ремесленники–производители поясов и торговцы этим товаром [19; 192]; [49; 405]. Первое упоминание о Зонарах встречается у Продолжателя Феофана. В «Хронографии» он пишет о некоем Зонаре, который жил при имп. Константине Багрянородном, и дает ему весьма нелестную характеристику («*kleptēs kai mochthēros*»); этот Зонара, судя по контексту сообщения о нем, был приближенным епарха Константинополя (Theophanes Continuatus. Chronographia VI, 9 [15, 442.1–3]). В XI–XII вв. А.П. Каждан насчитывает 9 представителей семьи Зонар, из которых 6 были гражданскими чиновниками. (К сожалению, А. П. Каждан смог опубликовать лишь обобщенные, без указания источников, результаты подсчетов численности аристократических семейств. Поэтому проверка его данных о девяти Зонарах затруднительна. Мы обнаружили в источниках этого периода сведения лишь о четырех Зонарах.) Знатность данной семьи определяется тем, что некоторые ее члены занимали должность друнгария виглы, которую в этот период замещали видные аристократы (Макремоволиты, Ксифилины, Коматиры) и даже родственники императоров [19; 93, 132, прим. [55; 135, прим. 70]. Семья Зонар принадлежала к столичной интеллектуальной элите и находилась в оппозиции к Алексею Комнину [19; 206, 208]. Эта общая характеристика применима и к Иоанну Зонаре, который «был идеологом синклита, склонным к ограничению автократии» (в противоположность Вальсамону), и выразил свою позицию в комментариях к канонам [20; 205, см. также 109, 202].

В источниках встречаются спорадические упоминания о конкретных членах аристократической семьи Зонар. На заседании патриаршего синода во Влахернах 12 мая 1157 г. в числе представителей государства присутствовал некий Николай Зонара, протасикрит, имевший титул мегалепифанестата [13, col. 180a; ср. 12, № 1041]. Согласно Р. Magdalino, других случаев участия какого-либо Зонары в работе синода в период правления Комнинов не было (см. списки светских чиновников — участников синодальных заседаний [57; 501–509]). Однако Р. Magdalino не учитывает заседание синода 26 января 1156 г., где среди присутствующих значится мегалепифанестат и асикрит Николай Зонара [13, col. 148d, 152c; ср. 12, № 1038] — очевидно, тот самый Николай, но до назначения на должность протасикрита. Этот же Николай Зонара, став протасикритом, в апреле 1176 г. наряду с другими высшими чиновниками подписал один из актов Мануила Комнина [3, № 30, р. 119] (ранее акт датировался 1161 г.; обоснование указанной нами датировки см. [5, № 1521a]). В статье С. Mango ([58; цит. по: 43; 22]) опубликована рукописная заметка XII в., где говорится о монахе Навкратии Зонаре, который был друнгарием, а потом удалился в монастырь св. Гликерии. С. Mango отождествляет Навкратия с друнгарием виглы Николаем Зонарой, который в 1088 г. был судьей на ипподроме. Известно ок. 10 печатей этого Зонары, датируемых кон. XI в. (издана только одна — «Николая Зонары, друнгария всечестной виглы» [10, pl. 34, № 893]). На четырех из них указано, что он имел титул новелисима. Согласно V. Laurent [10; 469–470], все эти печати принадлежат Николаю Зонаре, который подписался под актом Алексея Комнина от 23 мая 1088 г. как протовестарх, великий хартулярий и судья на ипподроме [3, № 16, р. 55], а должность друнгария, следовательно, получил позднее (надо также учесть, что в 1092 г. друнгарием виглы был некий Иоанн,

см. [12, № 956]). I. Grigoriadis полагает, что хронист Иоанн Зонара может быть сыном, а «второй» Николай Зонара (участник синода 1157 г.) — внуком Навкратия-Николая [43; 22]. Нам представляется, что эту генеалогию можно принять как гипотетическую, хотя выявление новых представителей семьи Зонар (в частности, путем сплошной проверки всех включенных в патриаршие и императорские регесты актов XI–XII вв.) способно привести к ее корректировке. Предположение же о тождестве Иоанна Зонары и «второго» Николая [21; 92] должно быть отвергнуто, ибо все сочинения Иоанна Зонары написаны им после монашеского пострига. Если он оставался мирянином даже в 1157 г., то вряд ли мог успеть написать такие объемные произведения, как хроника и канонический комментарий. Следует, наконец, упомянуть, что, согласно К. Крумбахеру [52; 474], в XII в. жил протасикрит Христофор Зонара («vielleicht ein Verwandter des Chronisten Johannes Zonaras»), написавший для своего сына Димитрия какой-то справочник («ein Vademecum»). Поскольку источник этих сведений не указан, мы не включаем названных лиц в число возможных родственников Иоанна Зонары.

Переходя непосредственно к нашему Иоанну, отметим, что единого мнения относительно времени его жизни по-прежнему нет. До сер. XIX в. общепринятой была точка зрения, согласно которой Зонара умер в 1-й четв. XII в. или, по крайней мере, при Иоанне II Комнине (см. [21; 88, прим. 2]). А. С. Павлову удалось доказать, что Зонара оставался жив, по крайней мере, до 1159 г. [25; 731–738]; [26]. В комментарии к 7-му канону Неокесарийского собора Зонара упоминает о втором браке Мануила Комнина, который во время А. С. Павлова датировался 1159 г. Теперь установлено, что этот брак состоялся 25 декабря 1161 г., в связи с чем срок жизни Зонары продлевается, как минимум, до начала 1162 г. [64, Sp. 579]. С другой стороны, смерть Зонары должна была наступить не позднее 1166 г., поскольку в этом году были изданы синодальное постановление и новелла Мануила Комнина о недействительности и принудительном расторжении брака между лицами, находящимися в седьмой степени бокового родства. 11 апреля 1166 г. синод под председательством патр. Луки Хризверга запретил подобные браки, признав их ничтожными и подлежащими расторжению, и предписал подвергать священника, умышленно венчавшего такой брак, извержению из сана, а самих сочетавшихся браком — отлучать от Церкви [14, t. 5, s. 95–98; ср. 12, № 1068]. Это синодальное определение подтвердил своей новеллой в апреле 1166 г. Мануил Комнин [9; 483–485]; ср. 5, № 1469b]. Синод горячо одобрил эту акцию императора постановлением от 25 апреля 1166 г. (см. подробнее [18; ср. 12, № 1072]). Зонара же, касаясь данного вопроса в трактате о степенях родства (о том, что данный трактат был написан при Мануиле Комнине, а не раньше, см. [25; 737? прим. 17]), решает его на основании старых правил — синодального постановления 17 апреля 1038 г. [14, t. 5; 36–37; ср. 12, № 844], по которому такой брак не расторгался, а лишь влек наложение епитимий на супругов (ссылка на это постановление в трактате Зонары была установлена нами [2; 61, прим. 57]). Можно с высокой степенью вероятности предположить, что, если бы Зонара оставался жив после 1166 г., он, как добросовестный юрист, внес бы соответствующие коррективы в свой трактат. В связи с этим мы не можем согласиться с К. Е. Zachariae von Lingenthal, который вначале солидаризировался с мнением А. С. Павлова о 1159 г. [65; 1158], но затем отнес написание канонических комментариев Зонары к 1159–1169 гг., никак не аргументируя это [66; 37]. Взгляд на 1169 г. как *terminus ante quem* толкований Зонары вызван, видимо, тем, что Вальсамон начал работать над своими комментариями к канонам предположительно в 1170 г. Он постоянно пользовался комментариями Зонары и, следовательно, должен был

с самого начала иметь под рукой это произведение Зонары в полном объеме. Но если бы Зонара в 1166–1169 гг. не просто был жив, но и активно работал над своим главным юридическим сочинением, он наверняка подвергнул бы редактированию трактат о степенях родства. Таким образом, учитывая вышесказанное, мы относим смерть Иоанна Зонары к 1162–1166 годам.

Другая хронологическая проблема, связанная с Зонарой, — это соотношение его канонических комментариев по времени их создания с толкованиями Алексия Аристина на канонический Синописис. При этом еще А.С. Павлов подчеркивал, что имеется в виду «не год рождения и смерти того или другого толкователя, а время написания каждым из них своих толкований (курсив авт.)» [25; 731; см. также 21; 90]. Аристин, вероятно, дожил до 1166 г.: на Константинопольском синоде 1166 г. присутствовал «великий эконо́м (одна из должностей, которые занимал Аристин. — прим. авт.) Алексий» (см. акты синода [74; 149.24–32, 155.28; ср. 12, № 1059]). Однако толкования этот канонист написал при Иоанне Комнине [25; 731, 732, прим. 2]. В толкованиях же Зонары отражены реалии правления Мануила Комнина — второй брак императора (см. выше) и дело патр. Николая IV Музалона (1147 г.) (см. об этом деле и о принадлежности Зонаре дополнительного комментария к 10-му канону свт. Петра Александрийского, посвященного критике Музалона [25; 736 и прим. 14; 21; 93 прим. 1]; о личности Николая Музалона см. [51]). Таким образом, Аристин был первым толкователем канонов и Зонара мог использовать его труд при подготовке своих комментариев. Этот вывод впервые был сделан А. С. Павловым, поддержан М. Е. Красноженом [21; 89–95], но оспорен Н. А. Заозерским [17; 573–581]. Однако последний, пытаясь доказать, что литературная деятельность Зонары относится ко времени Алексея Комнина и что Зонара скончался вскоре после 1118 г., ни слова не говорит об осуждении Зонарой Музалона. Мнение о том, что Зонара жил (или, по крайней мере, писал) раньше Алексия Аристина, приводится — без какого-либо обоснования — и в некоторых современных справочниках [41, Sp. 1403; 38], хотя большинство ученых разделяют взгляды А. С. Павлова (см. [46, col. 129]: толкования Зонары написаны после Аристина; [35; 655–657]; [75; 262]: Аристин — младший современник Зонары, но свой комментарий написал прежде Зонары).

Как типичный византийский интеллектualan, Иоанн Зонара обладал разносторонними знаниями. Из комментария Зонары к 36-му канону Лаодикийского собора видно, что он имел образование, по крайней мере, в объеме «квадривиума»: он упоминает о различных арифметических, геометрических, музыкальных и астрономических понятиях [14, t. 3; 204–205]. Конечно, познания Зонары этим не ограничивались. Так, в толковании на 2-й канон свт. Василия Великого он приводит некоторые биологические и медицинские данные (о развитии человеческого плода и о способах и последствиях прерывания беременности) [14, t. 4; 96–97]. Медицинская терминология присутствует и в толковании на 6-й канон свт. Григория Нисского [14, t. 4; 321–322]. Комментируя 2-й канон VII Вселенского собора, Зонара под словом «образование» («*paideia*») понимает наличие философской подготовки: если люди, «занимающиеся канонами» («*hoi tous kanonas metiontes*»), получили образование, то они «знают определение сущности и все, что говорится о ней в категориях (очевидно, в «Категориях» Аристотеля. — прим. авт.)», а потому нецелесообразно разъяснять им здесь понятие «сущность» [14, t. 2; 562]. Отсюда видно, что философское образование имел и сам Зонара.

Круг чтения Зонары был достаточно большим. Он, разумеется, хорошо знал Св. Писание и творения отцов Церкви. Библейские цитаты встречаются у Зонары в комментариях более чем к 80 канонам (их перечень см. [21; 135, прим. 2]), причем в толкованиях некоторых канонов, например 27-го Апостольского [14, t. 2; 34–35]; [1; 59–60], цитируется несколько библейских текстов. В толковании Зонары на 12-й канон Анкирского собора есть ссылка на «слова» свт. Григория Богослова и Василия Великого [14, t. 3; 43] (вероятно, имеются в виду следующие произведения: *Gregorius Nazianzenus. Oratio XXXIX, in sancta lumina* [TLG 2022/47; CPGS 3010.39] и *Basiliius Caesariensis. Homilia exhortatoria ad sanctum baptisma* [TLG 2040/29; CPGS 2857]). Зонара даже написал комментарии к некоторым стихотворениям Григория Богослова. Это его произведение сохранилось, в частности, в рукописи Paris. gr. 992 (XV в.), f. 366–402 [60; 198], и опубликовано лишь частично. Начитанность Зонары распространялась и на произведения античных авторов; соответствующие цитаты и аллюзии встречаются у него не только в «Краткой хронике», но и в юридических сочинениях. Так, он цитирует Еврипида в конце трактата о степенях родства («*Ou poikilōn deitai an dica hermēneumatōn*» [14, t. 4; 597]; ср. Euripides. *Phoenisae*, 470: «*koу poikilōn dei tandich' hermēneumatōn*» [TLG 6/48]), а в толковании на 90-й канон Василия Великого упоминает об Аяксе («*Esti gar ēthos kata tina sophon heteron, tinos katēgorias anendekton, hōs ei tis, phēsīn, hetairēseōs diōkoi ton Aianta*» [14, t. 4; 279]), не совсем точно цитируя Синесия (*Synesius Cyrenensis. Epistulae 50.9–12* [TLG 2006/1; CPGS 5640]). Наряду с общей эрудицией Зонара отличался глубокими познаниями в тех областях, которыми занимался специально, т.е. в истории и правоведении. Он досконально изучил труды римских и византийских историков и умело пользовался ими при работе над «Краткой хроникой» (см., например [52; 371–373; 37; 30]). Комментарии к канонам и юридические трактаты Зонары свидетельствуют о нем, как о знатоке источников церковного и светского права (показательно, что при переводе небольшого трактата Зонары о степенях родства нами было установлено ок. 30 цитат и ссылок на юридические источники [2]). Впрочем, высокий интеллектуальный уровень Зонары и его рационалистические взгляды на жизнь общества [31] не мешали ему разделять некоторые суеверия своего времени. Он, к примеру, считал, что манипуляции «волшебников» действительно могут приносить вред людям (см. толкования на 65-й канон Василия Великого, 3-й канон Григория Нисского [14, t. 4; 221, 307–308]).

О своей жизни Иоанн Зонара рассказывает очень мало. В заглавии «Краткой хроники» сказано, что ее автор — монах, который до пострига был великим друнгарием виглы и протасикритом: «*Epitomē historiōn syllegeisa kai syggrapheisa para Iōannoy monachoy toy Zōnara, toy gegonotos megaloy droyggarioy tēs biglas kai prōtoasēkrētis*» [6, vol. 1; 1] (Димитрий Хоматиан, упоминая о Зонаре, называет его таким же образом [4; 52.176–177]). Иоанн — монашеское имя Зонары; как его звали до пострига, неизвестно). Зонара, вероятно, вначале стал протасикритом («первым секретарем», начальником императорской канцелярии), а затем был назначен на более высокий пост друнгария виглы. Первоначально это была должность командующего дворцовой гвардией, а с нач. XI в. — председателя императорского суда (см. о должности друнгария [22; 24–25]; [44; 563–587]; [11; 331]; о месте друнгария в судебной системе Византии см. [70; 130–138, 184–185 et passim]). По мнению R. Guiland, «l'office de drongaire de la Veille n'a pas grand rapports avec celui de protoascretis, mais, à Byzance, le même personnage occupait souvent des postes disparates» [44; 576–577]. Однако протасикрит, не являясь судьей, должен был быть

квалифицированным юристом, чтобы заниматься подготовкой императорских актов. Кроме того, надо учитывать, что при Комнинах функции протасикрита меняются и он тоже наделяется судебными полномочиями (о статусе протасикрита см. [11; 310–311]; [70; 186]; [69]).

Остается неясным, когда и по какой причине Зонара оставил государственную службу и удалился в монастырь. «Краткая хроника» доведена им до 1118 г., т.е. до смерти Алексея Комнина и начала правления Иоанна II, причем дворцовая жизнь этого периода описывается Зонарой на основании собственных наблюдений. Таким образом, в данное время он еще сохранял свои должности. С другой стороны, в хронике мимоходом сообщается и о некоторых более поздних событиях [25; 733]. Сам Зонара пишет в предисловии к «Краткой хронике», что стал монахом, пережив потерю близких ему людей («*tōn philtatōn*») [6, vol. 1; 1.6–8], видимо, членов семьи (он, однако, не говорит прямо об их гибели, и при желании его слова можно интерпретировать как намек на насильственное разлучение с родными). Монастырь, в котором он поселился, был расположен на небольшом островке; Зонара жалуется, что в этой глуши ему трудно доставать необходимые для работы над хроникой книги, и называет себя «изгнанником» («*hyperorios*») [6, vol. 2; 339.15–17]. Последнее выражение, по мнению R. Janin, имеет переносный смысл: «*Ce n'était pas un exil politique, mais une formule de rhétorique habituelle pour indiquer l'éloignement de la capitale, peut-être aussi la retraite de moine*» [50; 56 n. 9]. Тем не менее, указанное слово и производные от него встречаются в хронике Зонары более 60 раз и везде обозначают именно ссылку. Поэтому стоит вспомнить об оригинальном предположении K. Ziegler, согласно которому Зонара являлся сторонником Анны Комниной, после неудачной попытки переворота в 1118 г. был отправлен в ссылку и потому решил окончить свою хронику 1118 г., написав, что излагать последующие события «не полезно и не своевременно» (Zonar. Hist. XVIII, 29, 29 [7; 768.1–4]). Сам K. Ziegler очень осторожно оценивал свое предположение («*nur eine nicht beweisbare, aber... doch nicht unwahrscheinliche Vermutung sein kann*» [68, Sp. 718–721]), однако в последнее время его гипотеза получила поддержку [43; 24].

Где именно располагался его монастырь, Зонара не говорит. То, что нашего канониста иногда называют афонским монахом (см., например [67; 71]), связано с поздним (XVI в.) свидетельством A. Thevetus, который утверждал, что в некоем афонском монастыре греческие монахи показывали ему надгробие с эпитафией: «*Eis to ragon mnēmeion ho sophos Zōnaras keitai*». Еще Ш. Дюканж выразил сомнение в достоверности этих сведений [42, col. 11–12]; А.С. Павлов тоже считал их маловероятными [25; 734, прим. 8]. Судя же по заголовкам некоторых рукописей с произведениями Зонары [21; 130 прим., 1]; [43; 21, n. 42]; [40; 241], местом его монашеского уединения был остров св. Гликерии (современное турецкое название — *İncir Adası*) в Пропонтиде, в 2 км от полуострова Тузла. Находившийся на острове одноименный монастырь (см. о нем и о современном состоянии острова [50; 54, 56–57]; [43; 26–28]) упоминается в хрисовуле Мануила Комнина (март 1158 г.) в числе других монастырей, которым предоставляются привилегии (Nov. Manuelis Comneni 61 [9; 450]; см. также [5, № 1347, 1419]). Географическое положение острова — в Мраморном море, неподалеку от Константинополя — показывает, что lamentации Зонары на удаленность от столицы не следует понимать буквально, скорее это было проявлением психологического состояния Зонары в ситуации, когда пространственно очень близкий Константинополь с его светской жизнью оказался навсегда закрыт для него [43; 22–23].

Тем не менее, «монах Иоанн», побуждаемый друзьями к писательскому труду [6, vol. 1; 2.1–5.11], нашел в себе силы создать в этих условиях ряд сложных и интересных произведений. Список его сочинений (с указанием на спорность авторства некоторых из них) был составлен в XVII в. Ш. Дюканжем [42, col. 19–26]. В современных справочниках он отличается лишь лапидарностью [35; 656; 76]; каких-либо принципиально новых данных по поводу атрибуции, текстологии и т. п. в нем не появилось. Произведения Зонары говорят о его разносторонних интересах и энциклопедической образованности. Иоанн Зонара был не только историком (его «Краткая хроника» охватывает период от «сотворения мира» до 1118 г. и является одной из лучших византийских хроник) и юристом (помимо комментариев к канонам, ему принадлежат два юридических трактата и заметка о «томе Сисинния»), но и агнографом (он, в частности, автор жития св. Сильвестра, папы Римского), богословом (в неизданном трактате о Св. Духе он полемизирует с католиками о Filioque), толкователем богослужебных текстов (канона преп. Иоанна Дамаскина), а возможно — и лексикографом (если верна гипотеза об атрибуции ему т. н. «Лексикона Зонары» [43; 183–208]).

Из-за ограниченности объема мы рассмотрим здесь только один вопрос о литературной работе Зонары, а именно — предположение о том, что свой главный юридический труд — комментарии к канонам Апостолов, Вселенских и Поместных соборов и святых отцов — Зонара написал якобы по поручению императора и/или патриарха [42, col. 25–26]; [24; 606–607]. Оно основано на предисловии Зонары к его комментариям, где сказано: «Ου γαρ ἀφ' ἡεαυτοῦ τὸ ποιεῖν ἐγχεῖρῶ, ἀλλὰ παρακλήθεῖς ἡυρεκυρσα, καὶ τὸ ποιεῖν δέδοκα ἐμαυτῶν, ἡἰνα μὲ δι' ἀνέκοιαν κατακρίθῶ» [14, t. 2; 2]. Это замечание отличается неопределенностью и по смыслу напоминает ссылки Зонары в предисловии к «Краткой хронике» на увещания друзей: «Ουκ οἰκοῦθεν ἡὸρμῆθεν πρὸς τὸ ἐγχεῖρῆμα, ἀνδρες δὲ με φίλοι πρὸς τοῦτο παρεθῆξαν, σχολάζοντα βλέποντες καὶ «χρῆσαι» λεγόντες «τῆ σχολῆ πρὸς ἐργὸν κοινὸφῆλες, καὶ κεῖσεται σοὶ πρὸς τοῦ θεοῦ κακ τοῦτοῦ ἀνταποδομα»» [6, vol. 1; 2.1–6]. Суть обоих заявлений одинакова: Зонара стремится показать, что сам он не хотел браться за перо, но после чьих-либо настоятельных просьб (во втором случае они исходят от друзей) решает заняться писательской работой, имея в виду и ее религиозно-нравственный аспект. Для нас не существенно, в какой мере Зонара здесь говорит искренне, а в какой — риторически подчеркивает свою скромность и смирение. Важно то, что он не называет имен людей, из послушания которым он стал писать комментарии к канонам, и не пишет о получении им *официальных распоряжений* о начале работы. Оговорки Зонары о послушании и т. п. не идут ни в какое сравнение с четким и однозначным указанием Вальсамона на лиц, предписавших ему составить комментарии: «Τὸ τοὶ καὶ ἡμεῖς ἡορισθέντες παρὰ τοῦ θεοστέφους ἡαγίου ἡἰμῶν Αὐτοκράτορος κυροῦ Μανουῆλ τοῦ Κομνῆνοῦ, καὶ τοῦ παναγιότατοῦ ἡἰμῶν δεσποτοῦ καὶ οἰκοῦμενικοῦ Patriarchoῦ... κυροῦ Μιχαῆλ τοῦ Αἰγχιῆλοῦ, τοῦς ἡεροῦς κανόνας κατασκεψασθαι... πρὸς τὸ παρὸν ἀπετολμῆσαμεν ποιεῖν» [14, t. 1. s. 31–32]. Здесь ясно говорится, что Вальсамон работал по повелению императора и Константинопольского патриарха. Аналогична ситуация с толкованиями Аристина. В лучших рукописях — например, ГИМ греч. 319 (XII в.) — его комментарии к каноническому Синописису озаглавлены: «Νομοκανόν (sic! в действительности это Синописис, а не Номоканон. — прим. авт.) συν Θεῶ, περιεχὼν συνοπτικὸς ἡολοῦς τοῦς κανόνας..., ἡερμῆνευθεν πρὸς τὸ πρὸς τοῦ εὐσεβῆστοῦ βασιλεῶς κυροῦ Ἰωάννοῦ τοῦ Κομνῆνοῦ, παρὰ τοῦ... κυροῦ Αἰξίου τοῦ

Aristēnoy» (л. 13) [28; 454]. Таким образом, комментарии Зонары следует считать неофициальным толкованием, хотя и получившим широкое признание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правила святых апостол, святых Соборов, Вселенских и Поместных, и святых отец с толкованиями: [В 4 т.]. [Т. 1:] Правила святых апостол с толкованиями. М., 1876 (репринт: М., 2000).
2. Трактат Иоанна Зонары о недопустимости брака двух троюродных братьев с одной женщиной / Вступ. ст., пер. с греч. и коммент. А. Г. Бондача // Вестник Православного Св.-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 17. С. 45–64.
3. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich, I. Müller. Vol. 6. Vindobonae, 1890.
4. Demetrii Chomatēni Ponemata Diaphora: Das Aktencorpus des Ohrider Erbischofs Demetrios Chomatenos / Rec. G. Prinzing. B.; N. Y., 2002. (CFHB; 38).
5. Dölger F. Regesten der Kaiderurkunden des oströmischen Reiches: von 565–1453. Teil 2: Regesten von 1025–1204. 2., erw. und verb. Aufl. München, 1995.
6. Ioannis Zonarae Epitome historiarum: In 6 vol. / Ed. L. Dindorf. Vol. 1–3. Lipsiae, 1868–1870 [= TLG 3135/1].
7. Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XVIII / Ed. T. Büttner-Wobst. Vol. 3: Libri XIII–XVIII. Bonnae, 1897. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae) [= TLG 3135/2].
8. Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta / Cur. I. B. Pitra. T. II. R., 1868.
9. Jus graeco-romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. P. III: Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt. Lipsiae, 1857.
10. Laurent V. Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. T. II: L'administration centrale. P., 1981.
11. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe s. / Intr., texte, trad. et comment. par N. Oikonomidès. P., 1972.
12. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople / Ed. par V. Grumel, J. Darrouzès. Vol. I. Fasc. II, III: Les registes de 715 à 1206. 2 éd. P., 1989.
13. Nicetae Choniatae Ex libris Thesauri orthodoxae fidei // PG. Vol. 140. Col. 9–292.
14. Syntagma tōn theiōn kai hierōn kanonōn... / Ekd. hypo G. A. Rhallē, M. Potlē. T. 1–6. Athēnai, 1852–1859 (anatyp. 1992).
15. Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae) [TLG 4153/1].
16. Демидов В. Характер и значение толкований на канонический кодекс Греческой Церкви Аристина, Зонары и Вальсамона // Православное обозрение. 1888. № 7. С. 401–442; № 8. С. 624–638; № 9. С. 3–70.
17. Заозерский Н.А. Исследования в области русской науки церковного права. [Рец. на кн.:] Красножен М. Толкователи канонического кодекса. М., 1892 // Богословский вестник. 1893. Т. 2. № 6. С. 572–586.
18. Каждан А.П. Два новых византийских памятника XII столетия // ВВ. Т. XXIV. М., 1964. С. 84–90.
19. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.
20. Каждан А. П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005.
21. Красножен М.Е. Толкователи канонического кодекса... 2-е изд. Юрьев, 1911.
22. Кулаковский Ю. [А.]. Друнг и друнгарий // ВВ. Т. 9. 1902. С. 1–30.
23. Нарбеков В. Толкование Вальсамона на Номоканон Фотия. Казань, 1889.

24. Остроумов М. Очерк православного церковного права. Т. 1. Харьков, 1893.
25. Павлов А.С. О новом переводе толкований на церковные правила // Православное обозрение. 1876. Т. 1. С. 730–746.
26. Он же. К вопросу о хронологическом соотношении между Аристином и Зонарою // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 303. 1896. № 1. С. 172–199.
27. Потапов П. Судьба... хроники Зонары в славяно-русской литературе // ИОРЯС. 1917. Т. 22. № 2. С. 141–186.
28. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки / Сост. архим. Владимир [Филантропов]. Ч. 1: Рукописи греческие. М., 1894.
29. Творогов О. В. Хроника Иоанна Зонары // Словарь книжников и книжности Др. Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1988. С. 492–494.
30. Черноглазов Д. А. Хроника Иоанна Зонары и ее источники (IX–XI века) // ВВ. Т. 63 (88). 2004. С. 137–154.
31. Он же. О мировоззрении Иоанна Зонары и его современников // Византийские очерки / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 2006. С. 187–204.
32. Он же. Римская история устами византийского хрониста XII века (еще раз о методе Зонары-историографа) // ВВ. Т. 65 (90). 2006. С. 191–203.
33. Он же. Хроника Иоанна Зонары и ее источники: Методы работы Зонары-историографа: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
34. Angold, M. Church and society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. [Cambridge], 1995.
35. Beck, H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959.
36. Bleckmann, B. Die Chronik des Zonaras und eine pagane Quelle zur Geschichte Konstantins // Historia. Bd. 40. 1991. № 3. S. 343–365.
37. Idem. Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen Geschichtsschreibung: Untersuchungen zu den nachdionischen Quellen der Chronik des Johannes Zonaras. München, 1992.
38. Browning, R. Zonaras John // NCE. Vol. 14. 2003. P. 934.
39. Cameron, A. M. Zonaras, Syncellus and Agathias: A note // The classical quarterly. N.S. Vol. 14. 1964. № 1. P. 82–84.
40. Codices manuscripti graeci Ottoboniani Bibliothecae Vaticanae / Rec. E. Feron, F. Battaglini. R., 1983.
41. Dölger, F. Zonaras Johannes // LThK. Bd. 10. 1965. Sp. 1402–1403.
42. Du Cange C. Praefatio // Joannis Zonarae Annales // PG. Vol. 134. Col. 9–26.
43. Grigoriadis, I. Linguistic and literary studies in the Epitome historion of John Zonaras. Thessalonikē, 1998.
44. Guiland, R. Recherches sur les institutions Byzantines. T. I. B.; Amsterdam, 1967.
45. Heinemann, M. Quaestiones Zonarae: Dis. Lipsiae; Dresdae, 1895.
46. Herman, É. Jean Zonaras // DDC. T. 6. 1957. Col. 129–130.
47. Hunger, H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978.
48. Jacobs, A. Ζωναρᾶς — Zonara: Die byzantinische Geschichte bei Joannes Zonara in slavischer Übersetzung. München, 1970.
49. Janin, R. Constantinople Byzantine. P., 1950.
50. Janin, R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975.
51. Kazhdan, A. Nicholas IV Mouzalon // ODB. Vol. 2. P. 1467–1468.
52. Krumbacher, K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reichs (527–1453). 2. Aufl., bearb. unter Mitwirkung von A. Ehrhard, H. Gelzer. München, 1897.

53. Leone, P. La tradizione manoscritta dell'Epitome historiarum di Giovanni Zonaras // *Syndesmos*. Vol. 2. 1994. P. 221–262.
54. Macrides, R. Perception of the Past in the Twelfth Century Canonists // *Byzantium in the 12th Century: Canon law, state and society* / Ed. by N. Oikonomides. Athens, 1991. P. 589–599.
55. Magdalino, P. Aspects of twelfth-century Byzantine Kaiserkritik // *Speculum*. Vol. 58. 1983. № 2. P. 326–346.
56. Magdalino, P. Enlightenment and Repression in Twelfth-Century Byzantium. The Evidence of the Canonists // *Byzantium in the 12th Century*. P. 357–373.
57. Magdalino, P. The empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993.
58. Mango, C. Twelfth-century notices from Cod. Christ gr. 53 // *JÖB*. Bd. 42. 1992. S. 221–228.
59. Mortreuil, J.-A.-B. Histoire du droit byzantin, ou du droit romain dans l'Empire d'Orient... T. III. P., 1846 (réimpr.: Osnabrück, 1966).
60. Omont, P. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Part. 1. P., 1886.
61. Pieler, P. E. Johannes Zonaras als Kanonist // *Byzantium in the 12th Century*. P. 601–620.
62. Stevens, G. P. De Theodoro Balsamone: Analysis operum ac mentis juridicae. R., 1969.
63. Stolte, B. Civil Law in Canon Law: A Note on the Method of Interpreting the Canons in the Twelfth Century // *Byzantium in the 12th Century*. P. 543–554.
64. Todt, K.-P. Zonaras Johannes // *BBKL*. Bd. 14. 1998. Sp. 579–584.
65. Lingental, Z. von K. E. Die Synopsis canonum... // *Monatsberichte der königlich-preussischen Akad. der Wiss. B.*, 1887. S. 1147–1163 (Nachdr.: Idem. Kleine Schriften. Leipzig, 1973. Bd. 2. S. 247–263).
66. Lingental, Z. von K. E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3. Aufl. B., 1892 (Nachdr.: Aalen, 1955).
67. Zhishman, J. Das Eherecht der orientalischen Kirche. Wien, 1864.
68. Ziegler, K. Zonaras Ioannes // *PWRE*. 2. Reihe. Bd. 10 A. 1972. Sp. 718–732.
69. Gkoytziokyōstas, A. E. Hē exelixē toy thesmoy tōn asēkrētis kai toy prōtoasēkrētis sto plaisio tēs aytokratorikēs grammateias // *Byzantina*. T. 23. 2002/2003. S. 47–93.
70. Idem. Hē aponomē dikaiosynēs sto Byzantio (9os–12os aiōnes)... Thessalonikē, 2004.
71. Kriaras, E. Lexiko tēs mesaiōnikēs hellēnikēs dēmōdoys grammateias. T. 7. Thessalonikē, 1980.
72. Paidas, K. Plērophories gia to dikairo toy asyloy stēn Epitomē historiōn toy Iōannē Zōnara // *Byzantina*. T. 23. 2002/2003. S. 125–142.
73. Papagiannē, E. [Sp.], Trōianos, Sp. [N.]. Diataxeis tēs politeiakēs nomothesias eis to hermēneytikon ergon tōn Aristēnoy, Zōnara kai Balsamōnos // *EEBS*. T. 45. 1981–1982. S. 201–238.
74. Sakkos, S. N. «Ho Patēr moy meizōn moy estin». T. 2: Erides kai synodoi kata ton 12 aiōna. Thessalonikē, 1968.
75. Trōianos, Sp. N. Hoi pēges toy byzantinoy dikaioy: Eisagōgiko boēthēma. 2 ekd. Athenai; Komotēnē, 1999.
76. Zōnaras Iōannēs // *ThĒE*. T. 5. 1964. St. 1241–1242.